

ЮРИЙ ПАВЛОВ

СМИ О СМЕРТИ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

С интервалом практически в две недели ушли из жизни Борис Стругацкий и Василий Белов. Реакция СМИ на их уход была во многом предсказуема. Либеральные газеты и журналы откликнулись на смерть Стругацкого публикациями, в которых ключевыми были слова: “пророк”, “великий писатель” (“Русский репортёр”. 2012, 29 ноября – 5 декабря), “большой писатель и большой человек”, “непререкаемый авторитет миллионов” (“Огонёк”. 2012, № 47), “Учитель”, “мэтр” (“Новая газета”. 2012, № 122) и т. д. и т. п. Смерть же Белова одни либеральные СМИ не заметили, другие отозвались на неё весьма своеобразно.

За последние двадцать лет для большинства наших официальных и либеральных СМИ стало традицией не замечать не только жизни, творчества, но и смерти выдающихся русских писателей. Так были обойдены вниманием кончины Дмитрия Балашова, Евгения Носова, Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, Леонида Бородина... Напомню лишь два сюжета, связанные со смертью Юрия Кузнецова.

В ответ на молчаливую реакцию власти и телевидения на уход из жизни одного из самых значительных поэтов последней трети XX века появилось “Открытое письмо руководителям телевизионных каналов” (“Наш современник”. 2004, № 1). В нём заговор молчания вокруг смерти Кузнецова справедливо назывался “частным проявлением вопиющего бескультурья, возобладавшего на отечественном ТВ в последнее десятилетие”. Это письмо было примечательно не столько своим текстом, не столько констатацией очевидных фактов и явлений (свидетельствующих об антидуховной, антикультурной, антирусской доминанте в деятельности телевидения), сколько тем, что сей документ, помимо патриотов, подписали некоторые либералы. Среди них следует выделить Андрея Нуйкина, Юрия Карякина, Александра Рекемчука, которые десятилетиями ранее поставили свои фамилии под позорным письмом 42-х.

Через два года после смерти Юрия Кузнецова в редакцию “Нашего современника” пришла телеграмма за подписью Сергея Филатова, бывшего Главы администрации президента Ельцина, ныне Председателя Совета Конгресса российской интеллигенции. Телеграмма начиналась словами: “Глубоко уважаемый, Юрий Поликарпович! Сердечно поздравляю Вас с Новым, 2006 годом и Рождеством Христовым!” (“Наш современник”. 2006, № 2). Так в очередной раз наглядно проявилось невежество и чужебесие тех, кто руководит нашей страной последние десятилетия.

Реакция на смерть Василия Белова властью предержавших (Путина, Медведева) и подконтрольных им СМИ (“Первого канала”, “России-1”, “Российской газеты” и других) формально нарушила эту многолетнюю традицию умолчания. Дай Бог, чтобы это было чем-то большим, чем дань приличиям. Однако декабрьское послание президента, “секвестирование” образования, названное реформой, последнее награждение в Кремле всё тех же жванецких, ясиных и им подобных свидетельствуют о неизменности идейно-духовно-культурных приоритетов власти.

В целом же большинство авторов и редакторов продемонстрировало непрофессионализм и филологическую дикость, что, в частности, проявилось в незнании даже школьных азов теории литературы. На более чем трёхстах сайтах (“Новые Известия”, “Эхо Москвы”, “Правда”, “Лента.ру”, “Труд”, “Культура”, “Международный фонд славянской письменности и культуры” и других) общим местом стало утверждение: умер Василий Белов – “основатель жанра “деревенской прозы”. Однако “деревенская проза” – не жанр, а литературное направление (по одной версии) или литературное течение (по другой версии). А авторы, представлявшие данную идейно-эстетическую общность писателей, творили в разных жанрах: рассказ, повесть, роман. Не менее удивило и то, что днём кончины Белова сотни раз было названо не четвертое, а пятое и шестое декабря. Но более всего меня поразила трактовка творчества Белова и “деревенской прозы” в целом.

Для Александра Самоварова, автора статьи “Мастер. Памяти Василия Белова” (<http://www.apn.ru/publications/article27696.htm>), смерть писателя – лишь повод в очередной раз высказать любимую идею авторов АПН: политический идеал, к которому нужно стремиться – это “русское национальное государство”, где демократия – “власть русского большинства”. Остальное: Василий Белов, его творчество и вся “деревенская проза” – идеологизированные фантомы, созданные человеком, не обременённым литературными знаниями.

Уже в самом начале статьи Самоваров неожиданно называет Белова “элитарным” писателем, а “более народными” именуёт Бориса Стругацкого и Юлиана Семёнова. Такая градация порождена определением народности как “популярности в массах”. Столь примитивное понимание народности характерно для части либеральных авторов. Например, народность Владимира Высоцкого и Аллы Пугачёвой они подтверждают их популярностью. “Правые” же авторы XIX–XXI веков характеризовали и характеризуют народность как изображение человека и времени с позиции традиционных православных ценностей. Примечательно, что ещё в начале 80-х годов XX века Игорь Золотуский в статье “Оглянись с любовью” на тех же примерах, что и Александр Самоваров, рассмотрел интересующую нас проблему принципиально иначе. Критик отнёс творчество Василия Белова к высокой литературе, а прозу Юлиана Семёнова – к массовой; для первой литературы характерна подлинная народность, для второй – псевдонародность.

В своей статье Самоваров допускает и элементарные фактические ошибки, свидетельствующие об уровне его знания истории литературы, биографии и творчества отдельных писателей. Вот некоторые из них:

1. Самоваров называет роман Василия Шукшина “Я пришёл дать вам волю” (изданный в 1971 году, за три года до смерти писателя) его последним произведением. Но последними публикациями Шукшина, как известно, были повесть-сказка “До третьих петухов” (1974) и рассказ “А поутру они проснулись” (1974). Ответ же на вопрос, которым задаётся Самоваров, нужно искать не в романе (к тому же не так топорно понимаемом), а в сказке...

2. В год XX съезда КПСС Леониду Бородину было не пятнадцать лет, как утверждает Самоваров, а восемнадцать. И учился он в то время не в средней школе, а в школе милиции в Елабуге.

3. XX съезд партии пробудил к жизни не “деревенщиков”, а “шестидесятников” – представителей “молодёжной”, “исповедальной” прозы и “громкой”, “эстрадной” поэзии.

“Литературная газета” в номере пятидесятом за 2012 год поместила статью Феликса Кузнецова “Завет Белова”. В подзаголовке, выражающем позицию автора и газеты, справедливо определяется место Белова в отечественной словесности: “Ушёл из жизни великий русский писатель”. В отличие от либеральных авторов, Кузнецов, характеризуя творчество Белова как представителя “деревенской прозы”, точно расставляет акценты: “деревенская проза” есть бытийная, историко-философская проза, она – самое значитель-

ное явление в русской литературе второй половины XX века. И это та объективная реальность, с которой, подчеркну, никогда не согласятся современные авторы учебников, либеральные критики, журналисты, преподаватели подобных взглядов.

Однако в данной публикации, жанр которой определяется автором как эпитафия, чрезмерно большое место уделено Шолохову (видимо, сказались исследовательские предпочтения Кузнецова последнего времени). Неточна и одна из ключевых мыслей эпитафии: Белов и вся «деревенская проза» принадлежат «к шолоховской литературной школе». «Деревенская проза» не раз называется Кузнецовым направлением, а оно, как известно, всегда шире школы: направление относится к школе как общее к частному. Выводить же «деревенскую прозу» из «Тихого Дона», что делает Кузнецов, по разным причинам непродуктивно. Здесь куда более очевидны параллели с «Поднятой целиной», ни разу не упоминаемой автором, и, видимо, не случайно. Изображение коллективизации в «Поднятой целине» и в «Канунах», «Годе великого перелома», «Часе шестом» — прямо противоположное.

Феликс Кузнецов в начале статьи именуется единомышленником Василия Белова, что, конечно, не так. Разномыслие писателя и критика (в 60–80-е годы одного из самых идеологически ортодоксальных критиков) проявляется во многом, в отношении к коллективизации — в первую очередь. В своей трилогии Василий Белов называет «великий перелом» величайшим преступлением и с огромным художественным мастерством его изображает. Кузнецов же приписывает Белову свой оправдательный взгляд на коллективизацию как на историческую неизбежность: «Беспощадность коллективизации сделала возможной индустриализацию страны, чтобы выиграть грядущую войну».

Стоит заметить, что Белова пытаются сделать сторонником коллективизации как советские патриоты типа Феликса Кузнецова, так и большинство либералов. Всем им можно лишь посоветовать: читайте «Плотницкие рассказы» и трилогию Белова — лучшее из того, что написано о «великом переломе» в нашей литературе.

Статья «Проза и почва Василия Белова» Валерии Жаровой, опубликованная в сорок шестом номере «Собеседника» за 2012 год, не удивила: её пафос созвучен позиции газеты. Жарова перепевает идеи своего креативного директора Дмитрия Быкова, автора мерзкой «Телегии», и его предшественников 20–30-х и 60–70-х годов XX века. В первом же предложении Жарова называет Белова крестьянским писателем, используя убогую терминологию теоретиков и практиков Пролеткульта и РАППа, деливших писателей на пролетарских, крестьянских и т. д. Трогательно, что на страницах «Собеседника», одного из самых либеральных изданий, реанимируется вульгарно-социологический подход 20–30-х годов минувшего века. Жарова самим названием «крестьянский писатель» пытается исказить смысл творчества писателя, принизить его значение. Отсюда и факт, сообщаемый в первом же предложении: Белов — «слесарь по первому образованию» (всё-таки не слесарь, а столяр и плотник). Сразу вспоминается одно из общих мест в статьях либералов второй половины 80-х годов: автор «Привычного дела» и все представители «деревенской прозы» не приемлют перестройки, так как им не хватает культуры, образования...

Одной из главных идей статьи Жаровой является мысль о пагубности именно русского почвенничества (сравните с подзаголовком быковской «Телегии» «Русское почвенничество как антикультурный проект»). Эта идеология, как утверждается, якобы и «погубила или почти погубила» писателя. Трудно сказать, какой смысл вкладывает в понятие «почвенничество» автор «Собеседника». Взгляды теоретиков почвенничества (Аполлона Григорьева, Николая Страхова, Фёдора Достоевского) и их последователей в XIX–XXI веках ни в коей мере не совпадают с транслируемыми Жаровой установками «почвенников», которые к тому же не называются по фамилиям, не приводятся и цитаты из их статей и книг.

Не проясняет вопрос о почвенничестве и параллель с Сергеем Есениным, о котором говорится так: «Ведь и самые почвеннические стихи Есенина откровенно плохи». Примеры вновь отсутствуют, а они просто необходимы, хотя бы в качестве доказательства подобного дикого утверждения.

Рассуждения Жаровой о почвенничестве, занимающие почти треть всего текста, завершаются уточнением: «Это не о Белове». Оно свидетельствует, что у автора «Собеседника» проблемы ещё и с логикой...

То немногое, что говорится в тексте о самом Белове, даёт основание усомниться в профессионализме Жаровой. Белов, как утверждается в статье, “большую часть жизни прожил в деревне”. На самом деле Василий Иванович не прожил в деревне даже трети своей жизни.

Не менее уязвима и ключевая идея последней части статьи Жаровой: “То, что писал, начиная с 80-х, писал он немного – это в большей степени публицистика, выражающая уже не беду народа, а его собственную непримиримую позицию”. Однако созданное Беловым с начала 80-х годов значительно превышает по объёму то, что было им написано в 60–70-е годы. Назову лишь романы “Всё впереди”, “Год великого перелома”, “Час шестой”.

О незнании творчества Белова свидетельствуют и последний, итоговый абзац эссе Жаровой, в котором варьируется расхожая мысль: 60-е годы – “самый плодотворный его период, когда написаны повести “Привычное дело”, “Плотницкие рассказы”. В данной версии игнорируются другие вершинные произведения Белова, принадлежащие к разным жанрам: уникальные “Лад”, цикл “Воспитание по доктору Споку”, классические рассказы 60–90-х годов, трилогия, о существовании которой, судя по всему, Жарова не догадывается, роман “Всё впереди”, пьесы...

И, наконец, вопреки утверждениям Жаровой, Быкова и других либералов, русское почвенничество дало большое количество гениев в XX веке. А русский почвенник Василий Белов стоит в одном ряду с американским почвенником Уильямом Фолкнером, армянским почвенником Грантом Матевосяном и другими классиками мировой литературы.

Смерть Белова как трагедию, как кончину русского гения восприняли авторы статей, вышедших в “Завтра”, “Дне литературы”, “Литературной газете”, “Российском писателе”, “Камертоне”, “Парусе”... Остановлюсь на самых интересных публикациях. Владимир Бондаренко в статье “Земное и небесное” (“Завтра”. 2012, № 50), вспоминая о юбилее Белова, бывшем за месяц с небольшим до его смерти, утверждает, что власть и телевидение не заметили и этого юбилея. В отличие от большинства авторов разных направлений, Бондаренко называет все произведения писателя, ставшие русской классикой. Среди них критик особо выделяет “Лад”, который либеральные авторы либо замалчивают, либо характеризуют как нечто второстепенно-этнографическое. Бондаренко же настаивает: “Лад” Василия Белова – это всё равно, что “Дао Дэ Цзин” китайского мудреца Лао Цзы”, – и выражает уверенность, что “пройдёт две тысячи лет со дня его написания, и русский народ, подобно нынешнему китайскому, будет опираться в основах своей национальной жизни на всё тот же беловский “Лад””. Бондаренко точно определяет суть новаторства Белова, его вклад в сокровищницу русской литературы. А всё творчество писателя критик именует “словесным памятником крестьянству”.

Характеризуя Белова как человека, Владимир Бондаренко выделяет такие его черты, как бунтарство, здоровый крестьянский консерватизм, всегдашнюю готовность поддерживать всех, кто борется за русскую литературу, культуру, народ, Россию. Единство слова и дела, жизни и творчества Василия Белова Бондаренко подтверждает, в частности, так: “Он был с нами в августе 1991 года, был с нами в октябре 1993 года, был с нами в 1996 году, был с нами, с газетой “День” и газетой “Завтра”, во всех сложных и трагических ситуациях”. На эту же особенность писателя обращает внимание на страницах “Камертона” Владимир Крупин: “Белов был человеком с открытой и чистой душой. Обо всех проблемах он говорил честно и открыто, никогда не был двуличен. С друзьями на кухне и на властной трибуне он говорил одно и то же” (<http://webkamerton.ru/2012/12/ego-narod-ne-zabudet/>).

Не разделяя некоторых оптимистичных прогнозов Владимира Бондаренко, хочу сказать о другом, более очевидном. Мне представляется неточным следующее его утверждение: “Смерть всё ставит на свои места. Сразу всем – и левым, и правым – стало ясно: ушёл великий русский писатель”. Однако на страницах “левых” изданий, доступных мне, Василий Белов ни разу не называется великим русским писателем. Более того, уверен, что он и не будет так назван ни в либеральных СМИ, ни в современных вузовских учебниках.

“Домой, в Тимонику” Владимира Личутина (“Завтра”. 2012, № 50) – самая искренняя, самая душевная, самая интимная публикация из всех, вызванных смертью Василия Белова. В эссе Личутина размышления об усопшем перебиваются воспоминаниями разных лет, изображение Тимоники, её окре-

стностей, баньки писателя перемежается с мыслями о Боге, творчестве, о судьбах крестьянства, народа, страны. Я, по понятным причинам, лишь коснусь нескольких тем эссе.

Личутин, в отличие от всех авторов, отозвавшихся на смерть писателя, называет Белова своим учителем. Уже поэтому судьба Белова периодически проецируется на судьбу автора публикации. В итоге получился двойной портрет: учителя и ученика, ставших классиками отечественной литературы при жизни. Эссе Личутина, писателя с богатым русским языком и уникальной образностью, воспринимается как стихотворение в прозе.

До чтения “Привычного дела” Личутин был начинающим советским писателем-космополитом. Он стыдился малой родины как якобы затрапезной и невзрачной, а деревенская жизнь казалась ему “слишком опрошенной, приземлённой”. Поэтому героев своих Личутин искал на стороне и создавал их по романтическим лекалам. Благодаря повести Белова прозаик духовно и национально прозрел, родился как русский писатель. Он увидел красоту крестьянского мира, а деревенские люди открылись ему с иной стороны. Личутин понял, что именно Иваны Африкановичи и Катерины есть точка опоры жизни и творчества.

Штрихи к портрету своего учителя автор эссе щедро рассыпал по всему тексту. Приведу некоторые из них: “Белов – один из немногих русских писателей, которые так болезненно присосли пуповину к родному очагу”; “Из Белова вырос с годами не просто писатель, но хранитель неизбывного русского мира во всех его крестьянских подробностях”; “Многие его работы печальны, но духоподъёмны, излечивают от тоски. Он стал пастырем и путеводителем, звонарём и летописцем, автором крестьянского евангелия “Лад”.

В данном эссе есть одно противоречие, мимо которого пройти не могу. Оно порождено распространённым и опасным мифом. Постсоветская реальность – самая страшная, самая позорная, самая смертоубийственная для человека, народа, страны в истории России – явно повлияла на отношение многих творческих людей к социалистическому прошлому. Отношение это либо в разной степени потеплело, либо стало принципиально – положительно – иным. Вот и Владимир Личутин, в своих произведениях 70–80-х годов показавший фармазонскую, сатанинскую сущность Советской власти, в последнее десятилетие оценивает этот период нашей истории совершенно иначе. А в этом очерке он, думаю, навязывает свой сегодняшний взгляд на СССР и Василию Белову: “При этом без сомнений храня верность Советской власти, при которой возрос до знаменитости, понимая, что добрый дом – Советский Союз, установленный народом на многие века, ломать безумно, а нужно лишь временами, как ведётся в рачительном хозяйстве, просевшее – укреплать, покосившееся – выпрямлять...”

Ещё раз скажу об очевидном: судьбы Ивана Африкановича и Катерины, Федулёнка, Олёши Смолина, Павла Рогова, Данилы Пачина и многих других героев, представляющих крестьянский, народный русский мир, безжалостно перекраиваемый Советской властью, вопиют против мифа о “добром доме – Советском Союзе”. Когда же абзацем ниже Личутин рассказывает о поездке 2008 года из Вологды в Тимонику и говорит об обезлюдевшем, обветшавшем “вологодском угле” на двести вёрст, то приводит высказывание Белова – “геноцид, холокост куда почище еврейского”. При этом Личутин не уточняет, какой исторический период Белов имеет в виду. По контексту можно понять, что – постсоветский. Однако геноцидом у Белова называлась именно коллективизация. Нельзя забывать и “пустопорожный” трудодень, и беспаспортное бесправие, и хрущёвский беспредел, и исчезновение сотен тысяч якобы перспективных русских деревень в брежневские времена, и многое другое...

Конечно, советские 60–80-е годы – это меньшее зло, чем постсоветские десятилетия. Но очевидно и другое: процесс уничтожения крестьянства, русского мира, начатый Лениным и продолженный его преемниками, завершён или почти завершён Ельциным, Путиным и Медведевым. Хватит идеализировать Советский Союз, возлагать надежды на современных коммунистов (среди которых немало достойных людей) с их губительной марксистско-ленинской идеологией. Сколько можно из двух зол выбирать меньшее? Пора, наконец, вернуться к традиционной русской государственности, к традиционным национальным ценностям. И творчество Василия Белова – один из краеугольных камней в фундаменте будущего Русского Дома. Необходимо только прочитать и объективно оценить разножанровое наследие великого писателя.

Многие акценты в постижении этого наследия точно расставлены Михаилом Назаровым (<http://www.rusidea.org/?a=25120410>). Он историк по образованию и не повторяет ахинею о “родоначальнике жанра “деревенской прозы”, а – в отличие от многих литературоведов, критиков и журналистов, относящих Белова к направлению “деревенской прозы”, – именуется сию идейно-эстетическую общность писателей литературным течением. Назаров напоминает, что презрительное название “деревенская проза” было придумано “советскими критиками-интернационалистами”. Направленность течения, которое следовало именовать онтологической прозой, Назаров определяет как “попытку восстановления русских национальных ценностей в условиях антирусского коммунистического режима”.

Автор статьи называет практически все этапные произведения Белова (за исключением цикла “Воспитание по доктору Споку”), лаконично формулируя их идейный смысл. Например, коллективизация в трилогии – это “уничтожение традиционного трудолюбивого русского крестьянского”. Тема коллективизации – центральная тема в творчестве Белова – получила продолжение, в частности, в его выступлении на II съезде народных депутатов СССР в 1989 году. Я вслед за Назаровым приведу лишь фрагмент из этого выступления, который в комментариях не нуждается: “Реабилитируйте раскулаченных крестьян! <...> Дайте справедливый государственный статус униженной и оскорблённой России!”

Сущность многогранной личности Белова передаётся через факты, сообщаемые Назаровым. Это и активное участие в Русской партии, и борьба против поворота северных рек на Юг, и защита уничтожаемых русских деревень, и подпись под “Письмом 500–5000” уже в 2004 году... Назаров акцентирует внимание на особой любви Белова к Ивану Ильину, которая вылилась в подготовку и издание трудов философа, в написание предисловия к ним. Дополнительной иллюстрацией этой любви являются и недавно опубликованная переписка Белова со Станиславом Куняевым (“Наш современник”. 2012, № 10) и факт, сообщённый Владимиром Крупиним: Василий Иванович принёс Горбачёву, тогда главе государства, книги Ивана Ильина и Ивана Солоневича (<http://webkamerton.ru/2012/12/ego-narod-ne-zabudet/>).

Весьма показательны и ответы Белова на анкету “Русская исповедно-завещательная библиография: влиятельные люди о влиятельных книгах”. Среди авторов, рекомендуемых Василием Ивановичем, я особо выделяю Василия Шукшина, Игоря Шафаревича, Станислава Куняева, Георгия Свиридова, Михаила Назарова.

И, конечно, автор статьи не мог не затронуть тему Бога. Тем, кто болеет за судьбу России, следует помнить следующие слова Белова: “Пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад” (“Наш современник”. 2002, № 10).

Завершу краткий обзор большой цитатой из некролога Союза писателей России, в котором место Белова в нашей жизни и литературе определено точно: “...Солнце нашей русской крестьянской жизни, – фундамента и столпа России, – закатилось! Почил в Бозе Василий Иванович Белов. Это умер не просто писатель, не просто классик, а это наше русское всё. Это смерть человека-великана, без которого, как нам всегда казалось, жизнь русского мира могла прерваться. Василий Иванович своим могучим духом мог побивать и побивал легионы врагов России, русского человека, русской земли! Вся его жизнь – сопротивление враждебному духу! <...> И он, конечно же, не умер для русского мира, – он есть и всегда будет! Его знал, любил и всегда будет любить русский народ” (<http://www.rospisatel.ru/pisатели-belovu.htm>).